УДК [342.8:329](4)

Винниченко И.Н.

Избирательная система как фактор политической результативности ультраправых партий Западной Европы

Vinnichenko I.N.

The electoral system as a factor of political performance of ultra right parties in western Europe

В настоящее время масштаб кризисных явлений и тенденции к демаргинализации ультраправых сил на политическом пространстве, актуализировал необходимость исследовать зарубежный опыт формирования национальных парламентов и европейских органов власти. В этой связи автором рассмотрены внутренние параметры системного контекста политической среды ультраправых партий, выделены условия и факторы, влияющие на результативность ультраправых партий Западной Европы.

Ключевые слова: ультраправые, правый радикализм, Европарламент, избирательная система, Западная Европа.

Алармистские фантасмагории, последовавшие за подведением итогов европейских выборов 2009 года, стали реальностью в 2014, когда треть мест в Европарламенте оказалась под контролем популистов, праворадикальных и крайне левых евроскептиков. Однако, несмотря на заметное улучшение электоральных результатов, маргинальные партии не продемонстрировали ожидаемых успехов, а их политическое будущее на европейской арене во многом будет определяться способностью ЕС и государств-членов преодолеть системный кризис.

Повсеместно возросшая актуальность вопроса о месте правого радикализма в политических системах современных демократий обозначила масштаб кризисных явлений. Все институты власти – национальные и наднациональные, законодательные и исполнительные – испытали кризис доверия. Разочарование в мейнстримных силах и проводимых ими решениях спровоцировало рост электоральной поддержки маргиналов большой политики. Наилучших показателей достигли правые радикалы Австрии, Франции и Великобритании. Тем не менее, «правый поворот» Европы – не ситуативная реакция на изменение политического контекста и экономическую нестабильность. Тенденции к демаргинализации ультраправых и вхождению их лидеров в активный политический процесс появились три десятилетия назад в странах Западной Европы, ознаменовав новый виток развития крайне правых движений. Отказавшись от террористических методов и приняв правила демократической борьбы, праворадикалы смогли получить депутатские мандаты в национальных парламентах и европейских органах власти.

Появление новых конкурентов на рынке политики, массово детерминированных как «крайне правые», стало центральным элементом многих современных европейских систем. Внезапная демаргинализация, тенденции к обретению респектабельности и претензии на весомость роли в государственном аппарате заставили исследователей задуматься над причинами обретения успеха праворадикальными партиями. Концентрируя внимание на изучении зависимостей популярности подобных движений от экономики, процессов иммиграции и других внешних факторов, исследователи нередко упускают из виду роль институциональных механизмов. Очевидно, что разница в степени успешности французского Национального Фронта и Австрийской партии свободы на выборах в национальные парламенты определяется не только контекстом экономической ситуации и совокупным отношением избирателей к идеологической составляющей программных документов партий, но и некими другими особенностями, которые провоцируют существенные различия в оказываемом партиями влиянии на политические системы своих государств. Актуализация проблематики правого радикализма одинаково характерна для католических и протестантских обществ, скандинавских стран и Средиземноморья, либеральной Норвегии и консервативной Швейцарии. Высокий уровень безработицы в одних странах не способствовал увеличению представительства крайне правых в национальных парламентах, в то время как в государствах всеобщего благосостояния их присутствие в законодательных органах власти увеличивалось. Едва ли призма экономики и вопросы иммиграции способны объяснить и отсутствие позитивной динамики Британской национальной партии в Вестминстере на фоне ежегодно увеличивавшейся поддержки среди населения, которую демонстрировали социологические опросы. Так, «Российская газета» утверждает, что в период между 2001 и 2010 гг. поддержка Британской национальной партии увеличилась более чем на 500 тысяч человек [1]. Эти данные подтверждаются процентным соотношением голосов, полученных на локальных выборах. Однако национальные выборы год за годом оказываются для нее провальными.

С другой стороны, почти все крупные крайне правые партии государств Западной Европы стабильно получают места в Европейском парламенте.

Чем можно объяснить подобные расхождения в представительстве праворадикалов? Для ответа на вопрос необходимо рассмотреть внутренние параметры системного контекста политической среды ультраправых. Избирательная система, электоральный порог, обязательность голосования или отсутствие такового – определяющие механические и, в весомой степени, психологические факторы, конфигурирующие состав представительных учреждений разных стран. Указанные институциональные аспекты дают возможность по-новому взглянуть на систему противоречий распределения депутатских мест в вариациях европейских государств.

Избирательная система определяет порядок, которым всенародное голосование переводится в количество мест в парламенте, полученных каждой партией. Европейские страны используют разные типы избирательной системы – пропорциональный или мажоритарный, в рамках которых также существуют особенности, определяемые соответствующим законодательством. Именно электоральное законодательство задает тон политической жизни страны, определяет победителей или аутсайдеров политического рынка, включает или выводит из борьбы те или иные политические силы, являясь своеобразным фильтром на входе в парламент. Рассматривая характер влияния электоральных правил на результаты выборов, необходимо упомянуть важнейшие аспекты избирательной системы – ее тип и эффективный процентный барьер, устанавливающий порог участия при распределении мест.

Обратимся к взаимозависимостям, выделенным М. Дюверже. «Теорема Дюверже» утверждает, что мажоритарное голосование в один тур ведет к дуализму партий, в то время как мажоритарное голосование в два тура и система пропорционального представительства приводят к многопартийности (2, с.279,300). Принимая во внимание указанную формулу, обратимся к контексту условий выступлений праворадикальных

партий в странах Западной Европы. В Великобритании формирование Палаты общин осуществляется на основе мажоритарной системы относительного большинства по одномандатным избирательным округам [3]. Это означает, что даже минимальный перевес обеспечивает кандидату парламентский мандат, в то время как голоса множества других людей остаются без представительства. Избирательная система Великобритании критикуется как радикалами, так и адептами демократии. В этой системе достаточно сложно реализовать свой потенциал новичкам или маленьким партиям, поскольку избиратель стремится отдать свой голос за того кандидата, который обладает наибольшими шансами на получение места в парламенте. Голос избирателя становится более ценным, а система – более закрытой. Великобритания подтверждает тезис Дюверже о дуализме парламентских партий в рамках мажоритарной системы с одним туром. Так, в результате выборов 2010 г., конфигурацию парламенте составили главным образом две партии – Консервативная (с большинством в 305 мест) и Лейбористская (256 мест). Остальные места в незначительных количествах распределились между прочими партиями и беспартийными парламентариями. С началом каждого нового электорального цикла именно эти две главные партии формируют правящую коалицию и определяют политический курс страны. Таким образом, исторически обусловленная избирательная система Великобритании оставляет за пределами активной политики малые партии, лишая значительный процент населения политического представительства.

Другой пример мажоритарной системы – Франция, где отличие от британского варианта определяется наличием двух туров. В первом туре кандидату необходимо набрать абсолютное большинство поданных голосов и количество, равное четверти избирателей, вписанных в избирательные списки. Если абсолютное большинство голосов не было получено ни одним кандидатом, проводится второй тур, где победитель определяется относительным большинством [4]. При этом устанавливается, что участие во втором туре возможно при превышении минимального установленного барьера в 12,5% голосов от общего количества зарегистрированных избирателей. Такая система позволяет получить рабочее большинство при сохранении многопартийности и достаточно широком представительстве интересов населения. Однако полной гармонии избирательной системы с интересами населения нет и здесь. Оказывается, что более 40% граждан не представлены в Национальном собрании.

Контрастным фоном мажоритарным избирательным системам выступает австрийская модель. Избрание депутатов в Национальный совет происходит по пропорциональной системе с открытым списком. Голосуя за партию, избиратель имеет права указать в бюллетене конкретного члена данной партии, ранг которого внутри партийного списка повышается при наборе достаточного количества индивидуальных голосов [4]. Австрийская избирательная система позволяет не только обеспечить многопартийность и широкое представительство интересов, но и сделать выбор конкретного представителя, что повышает вероятность эффективности депутата, а также дает дополнительные шансы кандидатам, не попавшим в начало списка.

Преференциальное голосование не является исключительной особенностью Австрии. Подобная система используется и в Швеции. Как и в Австрии для партий здесь установлен четырехпроцентный заградительный барьер. Право быть представленными в парламенте имеют партии, набравшие не менее 4 % от общего числа голосов избирателей или не менее 12 % голосов в любом избирательном округе[4]. В Нидерландах Генеральные штаты избираются путем всеобщих прямых выборов на основе пропорционального представительства без заградительного барьера, но с применением избирательной квоты. Особенностью выборов в Дании является дополнительное распределение сорока мест по методу Сент-Лагю, а также низкий избирательный барьер, составляющий 2% голосов. Пропорциональная система действует и в Италии, где Палата депутатов формируется из 617 депутатов, избираемых по общенациональному округу пропорционально числу голосов, полученных списками кандидатов в 26 округах, одного депутата из одномандат-

ного округа Валле д›Аоста и 12 депутатов, представляющих выбор итальянцев, проживающих за рубежом. В отличие от Австрии, в процедуре выборов используются закрытые списки кандидатов, что лишает избирателей возможности контролировать итоговый лист представителей. Однако принцип многопартийности соблюдается и здесь. В Бельгии Палата представителей формируется с применением пропорциональной системы с партийными списками кандидатов по многомандатным избирательным округам. Особенностью избирательной системы королевства является обязательность отправления избирательного права и отсутствие порога явки. Заградительный барьер, применяющийся на парламентских выборах ограничивается 5%.

До 2013 года в Германии культивировалась смешанная избирательная система при избирательном пороге в 5% [4]. Половина от общего числа депутатов избиралась в одномандатных избирательных округах по мажоритарной избирательной системе относительного большинства, другая половина – в многомандатных избирательных округах по пропорциональной системе через земельные партийные списки. В некоторых случаях предусматривалось предоставление депутатам дополнительных мандатов. Каждый избиратель на выборах отдавал два голоса – за окружного представителя и предпочитаемую партию по партийным спискам. Избирательная система предусматривала, что половина всех кресел бундестага должна быть занята одномандатниками, а оставшееся количество мест распределяется по партийным спискам. Каждая партия имела право провести в парламент всех выбранных одномандатников. Протесты большинства малых партий вызывались итоговым результатом системы: если одна партия получала больше одномандатников, чем было положено по процентному соотношению голосов, распределенных по пропорциональной системе, число кресел, предоставленных партии, в итоге увеличивалось. На выборах 2009 года выигрышная карта сыграла за блок, возглавляемый А. Меркель, который за счет одномандатников получил на 24 места больше, чем было положено голосованием по пропорциональной системе. К видимым недостаткам германской смешанной системы относится фактическая невозможность персонализировать голосование, на что направлена смешанная система. Избиратель, чаще всего, отдает два своих голоса партии, не выделяя кандидата, тем самым повышая возможность ее широкого представительства в парламенте. Однако, при вмешательстве Конституционного суда, с 2013 года в Германии используется скорректированная версия избирательной системы. Поправки предусматривают увеличение числа депутатов партиями, в соответствии с процентом голосов, который они получили на выборах, в случае расширения представительства одной из партий за счет кресел одномандатников. Новая система должна способствовать увеличению репрезентативности и соблюдению принципа справедливости при распределении кресел в Бундестаге.

Очевидно, выбранная избирательная система оказывает механическое воздействие на окончательный состав парламента, переводя общее количество голосов, полученных каждой партией в ходе всеобщего голосования, в количество депутатских мест в представительных органах власти национального масштаба. Пропорциональная система, в большинстве случаев, обеспечивает возможность представительства интересов населения, выражаемых небольшими партиями, в том числе, крайне правого толка. Ряд критиков пропорциональной избирательной системы отмечает, что ее использование, при действии низкого избирательного порога, который партия должна преодолеть для участия в распределении мест в парламенте, содействует фрагментации и экстремизму, ставя под сомнение возможность бесперебойной работы парламента. Между тем, мажоритарная избирательная система ограничивает возможности представительства мелких партий, нивелируя значительное количество голосов населения и сокращая политический спектр.

Теоретические обобщения довольно очевидно иллюстрируются историческими примерами. Во Франции, при действии двухраундовой мажоритарной избирательной системы, Национальный Фронт не получал депутатских мест. Однако, в 1986 г. при выборах в Национальную Ассамблею было

предложено использовать пропорциональную систему. Неожиданно, маргинальный Национальный Фронт смог выдвинуть 35 депутатов, набрав 6,3% голосов. Через два года НФ получил только одно место в парламенте. Резкое уменьшение числа представителей во многом было связано с отказом от пропорциональной системы и возвращением к прежнему механизму выборов. В то же время, Национальный фронт успешнее выступает на выборах в Европейский парламент и региональных выборах Франции, регулируемых механизмами пропорциональной системы. Влияние избирательного законодательства на итоговое распределение мест показательно выводится из сравнения, например, шведских демократов, которые при действии пропорциональной избирательной системы набрали 5,7% голосов, и французского Национального фронта, получившего 3,7% голосов в рамках мажоритарной системы. Однако, при переводе процентов голосов избирателей в парламентские места, шведские крайне правые получили 20 мест против 2 французских.

Англо-американский политолог П. Норрис провела исследование электоральных систем и поддержки крайне правых партий в период с 1990-ого по 2004 гг. Обобщая результаты голосования под патронажем разных систем, она получила данные, в соответствии с которыми 8,6% голосов, полученных правыми радикалами при действии мажоритарной системы, транслируются в 3,5% мест в национальном парламенте. С другой стороны, 7,9% голосов калькулируются в 8,7% мест (7, с. 112–115). Если посчитать отношение голосов к полученным местам, то для пропорциональной системы оно будет равно 1.10, в то время как для мажоритарной составит лишь 0.40. Очевидно, что пропорциональная система, в противовес мажоритарной, обеспечивает крайне правым больше мест, чем они получают голосов.

Разумно предположить, что небольшим партиям, включая ультраправые организации, мажоритарная система представляется более негативным сценарием формирования парламента. Однако и в рамках пропорциональной системы вероятны вариации, влияющие на итоговое распределение парламентских мест.

Успех крайне правых партий в пропорциональной системе – интегральная единица. Механизмы электоральной процедуры складываются из дополнительных параметров, таких, как величина избирательных округов, уровень электорального барьера, необходимый партии для участия в дальнейшем формировании представительного органа, и других особенностей. Некоторые аспекты избирательной системы предоставляют больше возможностей для ультраправых партий, другие допускают использование инструментов, способных изменить условия борьбы, правящими коалициями. Например, в пропорциональной системе выборы проводятся по многомандатным округам, величина которых изменяется в соответствии с численностью населения района. Очевидно, что такая организация выборов позволяет более густонаселенным местностям проводить в парламент больше представителей, чем менее населенным. Разумно предположить, что крайне правые партии лучше выступают в больших избирательных округах, которые позволяют делегировать в парламент более одного депутата.

Вместе с тем большие округа могут таить опасность для итоговой конфигурации парламента. При использовании пропорциональной системы в таких районах представительство могут получить даже партии с самой небольшой поддержкой. Распыление голосов и, соответственно, мест в парламенте ведет к фрагментации, возможному повышению представительства экстремистов и, в результате, к торможению работы органа или к полной ликвидации его работоспособности. Поэтому многие пропорциональные системы дополняются электоральными порогами, своеобразными заградительными барьерами, выступающими в роли фильтра на входе в парламент. Использование порогов препятствует проникновению в парламент партий, неспособных принимать адекватное участие в его работе. Закрепление слишком высоких порогов позволяет мейнстримным партиям оградить себя от конкуренции и последующего влияния радикалов. Например, в Нидерландах избирательный порог отсутствует. Однако парламент защищает себя введением избирательной квоты. Процентный барьер ис-

пользуется и в мажоритарных системах. Так, например, во Франции выборы проходят по смешанной мажоритарной системе. Порог вводится для второго тура выборов – принимать участие в борьбе за депутатские места имеют право все партии, переступившие 12,5% барьер. Таким образом, для того, чтобы провести своих представителей в Национальную Ассамблею, Национальному Фронту необходимо набрать значительное число голосов. Подобная ситуация сложилась и в Великобритании. Мажоритарная система с традиционно сильными мейнстримными партиями, при сохранении сложившихся социально-экономических и политических устоев, делает проход крайне правых партий в Вестминстер маловероятной перспективой.

Заградительные барьеры могут быть двух видов – юридические (искусственные, официальные) или естественные (природные, математические). Первые определяются законодательством, вторые образуются в соответствии с зависимостью результатов голосования от величины избирательного округа, а также избирательной формулы, используемой для перевода процента полученных голосов в парламентские места. Избирательный порог может создавать два вида границ – порог представительства (минимальный процент голосов, необходимый для участия в борьбе за распределение мест) и порог исключения (максимальный процент голосов, которые при благоприятном стечении обстоятельств гарантирует партии места).

Кроме того, важным фактором, влияющим на успешность выступлений праворадикальных партий в национальных парламентах, является избирательная формула, используемая для пересчета процентной доли голосов в непосредственные места в законодательных органах. Обобщая, можно выделить два вида формул, соответствующих системе – мажоритарную и пропорциональную. Но важно отметить, что под общим названием объединяется совокупность возможных формул, каждая из которых обладает ключевыми особенностями. Мажоритарная формула не распространена в Западной Европе: подстраивая под контекст политической среды, ее используют только Франция и Великобритания. Большинство же европейских демократий использует пропорциональную формулу, в рамках которой можно выделить следующие преобладающие механизмы выведения результатов – метод Д'Онта, метод Сент-Лагю, метод Хэйра-Нимейера, метод Хагенбах-Бишоф. Наблюдения за результатами европейских выборов показывают, что применение последнего из указанных методов приводит к более значительным успехам крайне правых, чем другие формулы. Наименее удачны выступления при использовании методов Хагенбах-Бишоф и Д'Онта [5].

Конечно, размер округа и применяемая электоральная формула не способны в полной мере объяснить рост поддержки крайне правых партий, однако они помогают лучше понять причину динамики распределения парламентских мест среди праворадикальных партий разных демократий. Принятые параметры избирательной системы позволяют по-разному приступать к трактовке и интерпретации полученных процентов голосов, что отражается на итоговом представительстве интересов в парламенте.

Помимо механической интерпретации результатов голосования и определения окончательного состава парламента, избирательная система может оказывать воздействие непосредственно на избирателя. Такое воздействие называется психологическим и определяется феноменом «стратегического голосования» [6]. Зависимость характеризуется тем, что в высоко диспропорциональных системах избиратели отчетливо понимают, что их голос может быть потрачен впустую, если они отдадут его идеологически наиболее близкой партии, но имеющей минимальные шансы на успех. В таком случае, в электоральный процесс вступает «стратегическое голосование», предполагающее голосование избирателя не за предпочитаемого кандидата/партию, а за наиболее приемлемого из вероятных претендентов на победу (7,с.112–115). Для подобного рационального избирателя эффективность собственного голоса гораздо важнее, чем голосование за близкую по политическим ориентирам партию. Прагматичное голосование актуализируется, когда избиратель, осознавая невероятность

успеха наиболее приятной политической силы, видит выгоду в получении наибольшего количества мест другой партией из мейнстримного списка. Разумеется, в первую очередь, избирателя интересует если не совпадение, то близость позиций в идеологическом спектре и наиболее ключевых программных положений. Осознавая эту особенность голосования, распространенную, в частности, в мажоритарных системах, определяющих жесткую фильтрацию на входе в парламент, традиционные партии используют прагматичных избирателей для победы в борьбе со своими основными конкурентами. Так, к примеру, британский премьер-министр Дэвид Кэмерон перехватывает потенциальный электорат идеологически близкой, но более радикальной Партии независимости Соединенного Королевства. Очевидно, в рамках избирательной системы, проводимой Великобританией, прагматичный избиратель едва ли может питать надежды на успех маргинальной партии, потому поддерживает максимально выгодную политическую силу. Но для того, чтобы избиратель был готов отдать свой голос за мейнстримную партию, необходимо наличие трех условий. Во-первых, избиратель должен иметь ясную линейную последовательность предпочтений среди партий. Во-вторых, необходимо иметь определенные предположения относительно выступлений той или иной партии в округе, а, следовательно, иметь доступ к необходимой информации. В-третьих, избиратель должен быть уверен в том, что выгода от голосования за вторичную партию будет превосходить затраты, связанные с невозможностью оказания поддержки предпочтительной силе. Рациональный избиратель стремится избежать «голосования впустую», возможного в мажоритарных избирательных системах или пропорциональных с высокими заградительными барьерами. Теория «голосования впустую» предполагает, что у рациональных сторонников правых радикалов есть два пути. Первый заключается в том, чтобы манкировать голосование, снизив, тем самым, уровень явки. Второй предполагает участие в выборах и голосование за вторичную партию. Этот тезис влечет за собой предположение о том, что люди инструментально рациональны, то есть заботятся о своем голосе постольку, поскольку это влияет на результаты голосования, выраженные в количестве парламентских мест [6]. Тем самым, максимизируется полезность голосования с точки зрения результата. Рациональные избиратели не обеспокоены необходимостью выражения символической поддержки для фаворита, не стремятся увеличить численную поддержку партии и ее итоговый процент на выборах.

Очевидно, инструментальное голосование зависит от близости партий на идеологическом спектре. Умеренные партии занимают оптимальную позицию, для того, чтобы выступить в качестве второстепенной по предпочтению партией. Однако, это верно не для всех ультраправых. Праворадикальные позиции во многом не совпадают с умеренными правыми, что осложняет рациональным сторонникам крайне правых поиск подмены и заставляет их идти на жертвы ради трансляции своего голоса в эффективное русло. С другой стороны, политическая выгода инструментального голосования может заключаться не только в переводе голоса в парламентские места. Избиратель может искать и другие выгоды, как, например, выражение недовольства текущим курсом путем протестного голосования за радикалов, несогласие с отдельными компонентами политики главных политических игроков – экономикой или политикой в области миграции. В таком случае, уровень поддержки радикалов становится лакмусовой бумажкой настроений общества, сигнальной картой для правительства, призывающей к изменениям компонентов политики. Отправляя сообщение через урну, сторонники праворадикальных партий надеются повлиять на государственную политику косвенно, указывая на необходимость принятия ряда положений радикалов.

Если рассматривать психологический эффект избирательной системы, то можно отметить, что мажоритарный вариант способствует более четкому осознанию ответственности избирателя за собственный голос и снижает процент поддержки маргинальных партий, подача голосов за которые рассматривается как «голосование впустую». Признавая право на существование этого вывода, нельзя переоценивать роль мажоритарной системы и феномена «стра-

тегического голосования» в уровне поддержки крайне правых партий. Лидерство, повестка дня, эффективность действующего правительства, политическая позиция организации, общий контекст обстановки в стране определяют характер голосования избирателей. Всплески роста популярности ультраправых партий чаще всего бывают связаны с шоковыми потрясениями, всколыхнувшими общество, реакцией на актуальный курс управленцев, желанием высказать свой протест демократическим путем – через электоральную корзину. Избирательная система позволяет, скорее, ответить на вопросы, связанные с последующей интерпретацией результатов голосования, оценить различия в парламентском представительстве крайне правых разных стран и сделать предположения о причинах национальных проигрышей на фоне локальных и наднациональных успехов.

Таким образом, резюмируя отмеченные выше особенности характера влияния институциональной системы на общий контекст успеха праворадикалов, выраженный в представительстве партий в высших законодательных органах государств Западной Европы, необходимо отметить, что организация процесса трансляции предпочтений населения в парламентские места, имеет важное значение на стадии формирования органов власти в соответствии с полученными голосами. От выбора системы зависит прочность позиций традиционных партий и устойчивость парламента во время системных кризисов, когда уровень поддержки мейнстримных партий резко падает, и оппозиция получает возможность расшатать сложившуюся конфигурацию. Избирательная система представляет собой мощный идеологический фильтр, политический инструмент сдерживания нежелательных тенденций. При этом избирательная система является важным фактором легитимации власти, механизмом распределения властных ресурсов, коммуникатором между обществом и политиками. От того, насколько она соответствует представлениям о демократии и организации эффективного представительства, зависит дальнейший политический процесс.

References

1. Dmitrieva O. Dovleet kompleks viny [Guilt complex dominates], RG, 2012, 23 janvarja. (In Russ.).

2. Djuverzhe M. Politicheskie partii [Political parties], Akademicheskij proekt, 2002, 560 p. (In Russ.).

3. Ob osnovnyh principah organizacii izbiratel'noj sistemy i provedenija vyborov v Velikobritanii [On the main principles of the electoral system and the organization of elections in the UK], Central'naja izbirat. Komissija RF. – URL : http://cikrf.ru/international/docs/vote_UK.html (data obrashhenija : 16.02.2014). (In Russ.)

4. Central'naja IK RF [The Central Election Commission of the Russian Federation], URL : http://cikrf.ru/banners/vibor/german_sys.html (data obrashhenija : 16.02.2014). (In Russ.)

5. Carter E. Small Party Success and Institutional Contexts: The Case of the Extreme Right in Wester Europeju – URL : http://www.politik.uni-mainz.de/ereps/download/small_parties_institutional.pdf (data obrashhenija : 15.01.2014).

6. Measuring strategic voting in multiparty plurality elections / Blais A. [i dr.]. – URL : http://ces-eec.org/pdf/StrategicVoting.pdf (data obrashhenija : 20.02.2014).

7. Norris P. Radical Right: Voters and Parties in the regulated market / P. Norris. – Cambridge University Press, 2004. – 366 p.

[1] Довлеет комплекс вины / О. Дмитриева // РГ. – 2012. – 23 января.

[2] Дюверже М. Политические партии / М. Дюверже // Академический проект, 2002. – 560 с.

[3] Об основных принципах организации избирательной системы и проведения выборов в Великобритании // Центральная избират. Комиссия РФ. – URL : http://cikrf.ru/international/docs/vote_UK.html (: 16.02.2014).

[4] Центральная ИК РФ. – URL : http://cikrf.ru/banners/vibor/german_sys.html (: 16.02.2014).

[5] Carter E. Small Party Success and Institutional Contexts: The Case of the Extreme Right in Wester Europeю – URL : http://www.politik.uni-mainz.de/ereps/download/small_parties_institutional.pdf (: 15.01.2014).

[6] Measuring strategic voting in multiparty plurality elections / Blais A. [и др.]. – URL : http://ces-eec.org/pdf/StrategicVoting.pdf (: 20.02.2014).

[7] Norris P. Radical Right: Voters and Parties in the regulated market / P. Norris. – Cambridge University Press, 2004. – 366 с.